

ДАРΙΑ БОБРОВСКАЯ

ВАРВАРА И КНИГА
СКАЗОК

Дария Бобровская

Варвара и книга сказок

<https://litres.ru/74418817>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варя — обычная воспитательница из Бийска: её главные битвы — с пластилиновой кашей и детскими капризами, а главная мечта — испечь идеальную пиццу и просто побыть в тишине. Но тихий город вдруг начинает играть по другим правилам: сны оборачиваются пророчествами, случайные встречи — фрагментами древних сюжетов, а привычные люди на мгновение становятся героями и злодеями старых сказок.

Всё начинается с загадочной книги, которая сама выбирает, какую историю показать, и с Серого — таксиста с тёмной тайной: порой он теряет память и чувствует, как внутри просыпается волчья природа. Вместе они оказываются в центре странной череды событий, где реальность переплетается с архетипами, а каждая новая сцена будто списана со страниц знакомых с детства историй — но с пугающе настоящей развязкой.

Содержание

Глава 1. Обычный день и одна очень упрямая книга	4
Глава 2. Такси по-волчьи	12
Глава 3. В такси с животными нельзя	19
Глава 4. Кошмар кошмаром погоняет	27
Глава 5. Кабы я была царицей...	33
Глава 6. Следствие вели Варя и Серый	43
Глава 7. Шрамы которые не видно	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Варвара и книга сказок

Глава 1. Обычный день и одна очень упрямая книга

Я всегда думала, что самое страшное в моей работе — это когда пятилетний гений решает, что пластилин отлично сочетается с кашей. Ну, или когда на родительском собрании кто-нибудь всерьёз предлагает ввести в садике «курс юного химика для развития воображения», будь он не ладен. Вы можете себе представить сколько времени я потом буду тратить на то чтобы привести в божеский вид все рабочие столы, а может даже и всю группу? Я к этому готова. У меня даже ответ заготовлен: «Давайте лучше про динозавров. Они хотя бы менее травмоопасны».

А вот к тому, что реальность начнёт подкидывать мне настоящие чудеса, я не готовилась.

Утро началось как обычно: семь тридцать, раздевалка, мой бежевый кардиган, который я надеваю, когда хочется выглядеть «спокойной и надёжной», а чувствую себя при этом так, будто внутри у меня крутится центрифуга. Я поправляла воротничок и мысленно прогоняла список дел: проверить шкафчики, убедиться, что никто не спрятал запасные варежки в аквариум, не забыть про родительское со-

бране в пятницу... И ещё — выбросить из головы мысль, что жизнь могла бы быть чуть проще. Например, если бы я работала кем-нибудь другим. Хоть кассиром в супермаркете. Там хотя бы понятно: пробил товар — получил «спасибо». А тут: «Варя Андреевна, а почему солнце не падает?» — и ты должна ответить так, чтобы и наука была, и чудо осталось.

Тут я невольно улыбнулась, вспомнив, как бабушка Нина на такой же вопрос когда-то сказала: «А потому что оно держится на вере. Кто верит — тот и держит». Бабушка вообще умела всё объяснять так, что становилось и понятно, и тепло. Она почти всю жизнь кем только не работала, но самой любимой её работой был как раз садик. И вечерами она рассказывала мне не просто сказки, а целые истории про то, как устроены эти самые сказки: про тропы, про голоса, про то, что у каждой истории есть свой ритм, и если его поймать — можно и беду отвести, и радость позвать.

— Ты у меня сказочная упряmica, — смеялась она, когда я спорила с ней, что «так не бывает». — А упрямые как раз и держат мир, когда он шатается.

Родители повторяли это как поговорку: «Такую сказочную упряmicу ещё поискать надо». И, кажется, именно эта упряmicтво меня и держало на плаву в те дни, когда всё валилось из рук. Даже Алёша, мой бывший, в какой-то момент не выдержал: сказал, что я слишком занятая и слишком колкая на слова, будто у меня в каждом предложении спрятана маленькая иголка. Может, и правда была. Просто я не уме-

ла иначе: когда весь день объясняешь пятилеткам, почему нельзя кидать кубики в аквариум, язык сам учится быть точным и острым. А свободное время? Его у меня почти не было — да и не хотелось. Дети не дают скучать, а скучать я не люблю.

Я накинула куртку, схватила сумку и уже шагнула к выходу, как вдруг взгляд зацепился за уголок чего-то потрёпанного. Старая книга. С выцветшей обложкой, на которой почти не разобрать узор.

Я замерла.

Её там не должно было быть.

Вчера вечером она лежала на полке в прихожей, прижавшись к стопке журналов про развитие мелкой моторики. Я ещё подумала: «Надо бы убрать её куда-нибудь, чтобы не пылилась». Но не убрала. Просто постояла, посмотрела на неё и ушла заваривать чай. Книга выглядела так, будто её столько раз убрали, что она теперь просто хочет, чтобы её оставили в покое. Да и пора бы ее уже давно отреставрировать двухсторонним скотчем и парочкой заплаток.

А сегодня она оказалась в моей сумке.

— Да ладно, — пробормотала я, будто оправдываясь перед самой собой. — Наверное, я всё-таки положила её вчера. Память иногда творит такие штуки, будто у неё свой отдельный сценарий.

Но в глубине души я не верила ни в эту версию, ни в самую свою память. И тут же вспомнила бабушкину присказку:

«Если вещь сама к тебе приходит — значит, ей есть что сказать». Я фыркнула: «Ну вот, теперь я ещё и с книгами разговариваю».

День покатился по накатанным рельсам: «Варя Андреевна, можно я не буду есть кашу?», «А можно я буду динозавром?», «А давайте все будем динозаврами!» Я кивала, улыбалась, расставляла игрушки по местам и старалась не смотреть на книгу, которая торчала из сумки, будто нарочно высовывала уголок обложки, чтобы я её заметила.

В середине дня мы сидели на ковре, я читала сказку про храброго мышонка, и тут Артём — самый тихий мальчик в группе — вдруг заговорил стихами.

— Мышонок шёл через поля,
Сквозь туман и сквозь дожди,
Он не знал, куда идти,
Но не сдался на пути...

Я застыла с раскрытой книгой в руках. Остальные дети смотрели на Артёма с восторженным удивлением, будто он вдруг заговорил на инопланетном языке.

— Артём, — сказала я как можно спокойнее, — а ты откуда эти строчки знаешь?

Он пожал плечами, глядя на меня большими серьёзными глазами:

— Они сами пришли. Я просто хотел сказать, что мышонок молодец, а потом они сами пришли.

Я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка выглядела нор-

мально, а не как гримаса человека, который вот-вот начнёт проверять, не сдвинулись ли стены. Надеюсь и глаз правый не стал как огонёк светофора нервно подмигивать, всё таки дети — народгиперчувствительный.

— Хорошо. Это очень красиво. Но давай пока без стихов, ладно? А то мышонок запутается.

Артём кивнул, будто понял, и снова стал обычным пятилетним мальчиком, который больше всего на свете хочет, чтобы ему разрешили взять домой игрушечного динозавра.

А я снова поймала себя на мысли, что виноватой во всём этом кажется именно та самая книга. И, словно в подтверждение, когда я полезла в шкафчик за запасной пачкой салфеток, книга лежала там. Аккуратненько, будто решила, что здесь ей будет уютнее.

«Ладно, — подумала я. — Сейчас я просто сделаю вид, что всё нормально. Потом разберусь. Или не разберусь. Может, мне просто нужно выспаться».

После работы я шла домой, стараясь не думать о стихах, о книге и о том, что, возможно, мне пора завести дневник наблюдений: «День первый: ребёнок заговорил стихами. День второй: книга переехала в шкафчик. День третий: начну подозревать, что мир сошёл с ума».

Дождь уже закончился, но воздух был тяжёлым и влажным, будто город дышал неохотно. Коней осени в нашем крае обычно мог закончиться чем угодно: маленьким минутом или ранним снегом. Прохожие были одеты кто во что го-

разд, даже мне пришлось с утра натянуть не слишком теплую дутую куртку смешного горчичного цвета. Смешного потому что бывший парень Алёшка называл этот оттенок — цветом детской неожиданности. У перехода я заметила слепого мужчину. Он стоял, слегка наклонив голову, будто прислушивался не к машинам, а к чему-то, что звучало только для него. Трость лежала рядом, а сам он держал руки в карманах, будто не хотел ни от кого зависеть.

Что-то в нём заставило меня остановиться. Не жалость, нет. Просто... ощущение, что если я сейчас пройду мимо, то пропущу что-то важное. И тут в голове снова всплыли бабушкины слова: «Не проходи мимо, когда кто-то стоит один. Даже если он говорит, что не нуждается в помощи».

— Вам помочь перейти? — спросила я, стараясь говорить спокойно.

Он повернул лицо в мою сторону, и я вдруг поняла, что он не столько не видит, сколько смотрит куда-то внутрь себя.

— Спасибо, — сказал он мягко. — Но я знаю этот переход. Здесь машины всегда начинают тормозить на полсекунды раньше, чем кажется.

Я кивнула, хотя не поняла, что это значит.

— Тогда хотя бы до тротуара провожу.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то знакомое, будто я видела её раньше — в старых фильмах, в сказках, в чьих-то рассказах из детства.

Мы дошли до тротуара, и он остановился, будто собираясь

что-то сказать. Потом достал из кармана небольшой свёрток, завернутый в простую коричневую бумагу.

— Возьмите, — протянул он мне. — Это вам.

Я нахмурилась.

— Мне? Но я ничего не сделала.

— Вы сделали самое главное, — ответил он. — Вы не прошли мимо.

Я взяла свёрток, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. Развернула — и увидела ту самую книгу. Ту, что лежала у меня в шкафчике в детском саду. Ту, которую я точно не брала с собой.

Подняла глаза, но мужчина уже уходил, легко и уверенно, будто знал каждый сантиметр тротуара.

— Подождите! — крикнула я, но он только махнул рукой, не оборачиваясь.

Я стояла посреди тротуара, сжимая в руках книгу, и чувствовала, как реальность вокруг меня слегка сдвигается, будто кто-то тихо повернул ручку настройки. По телу пробежались нервные мурашки заставляя поежиться не столько от холода сколько от нехорошего предчувствия.

Дома я поставила чайник, села на кухне и открыла книгу на первой попавшейся странице. Буквы сначала плясали, как будто не хотели складываться в слова, а потом вдруг выстроились в одну фразу: «Не ищи там, где светло. Ищи там, где дети верят, но не ждут чудес».

Я закрыла книгу, потом снова открыла. Фраза осталась на

месте.

— Это просто старая книга, — сказала я вслух, будто пытаюсь убедить не только себя, но и кого-то ещё, кто мог подслушивать. — Просто старая книга с непонятными надписями.

Чайник щёлкнул, выключаясь, и в тишине квартиры этот звук прозвучал как предупреждение.

А ночью начались кошмары.

Сначала это был просто шёпот, будто кто-то звал меня из соседней комнаты. Потом голоса стали громче, и каждый из них принадлежал кому-то, кого я не знала, но при этом знала очень хорошо — как знают героев сказок, которых читали в детстве.

— Помоги... — шептал один голос.

— Не дай ему уйти... — просил другой.

— Найди дорогу... — умолял третий.

Я просыпалась в холодном поту, смотрела на часы и понимала, что до утра ещё далеко. Пыталась вспомнить, что мне снилось, но сны рассыпались, как песок сквозь пальцы, оставляя только ощущение, что я должна что-то сделать. Что-то важное.

И каждый раз, когда я закрывала глаза, мне казалось, что из темноты на меня смотрит обложка той самой книги.

Глава 2. Такси по-волчьи

Я шла домой и пыталась убедить себя, что всё нормально. Ну, книга сама переезжает. Ну, ребёнок заговорил стихами. Это просто город немножко сошёл с ума, а я — единственная, кто это замечает. И вообще, у меня есть план: прийти, налить чаю, сесть, не смотреть на книгу и сделать вид, что я вообще не понимаю, о чём речь.

Но план развалился ещё до подъезда.

На перекрёстке, где обычно паркуются такси, стояла знакомая жёлточёрная машина. Только водитель в ней был не обычный уставший мужик, который бормочет себе под нос про пробки и бензин, а какой-то... слишком собранный. Он сидел, будто ждал не пассажира, а погони. Плечи напряжены, пальцы крепко держат руль, глаза бегают по зеркалам, как будто он высчитывает траектории на три секунды вперёд.

А рядом с машиной, у киоска с газетами, стояла девочка лет шести в яркокрасной шапке и белой ветровочке. Она ли- стала глянце- вый журнал и выглядела так, будто ей вообще плевать на весь этот мир — и на такси, и на водителя, и на меня. Но стоило мне сделать шаг, как воздух будто потяжелел, и я вдруг поняла: что-то сейчас случится.

И случилось.

Водитель резко вышел из машины. Не вышел — вылетел. Дверца хлопнула, как выстрел. Он даже не посмотрел по сто-

ронам, просто рванул вперёд, и в этом движении было что-то нечеловеческое: слишком резкий разворот корпуса, слишком точная постановка стопы, будто он не шёл, а крался.

Он шёл прямо к девочке.

У меня внутри всё сжалось, а потом щёлкнуло что-то вроде старого рефлекса: когда в группе кто-то лезет на шкаф, ты не стоишь и не думаешь, ты просто двигаешься.

— Эй! — крикнула я, сама не зная, что делаю, и рванула вперёд. — Стоять!

Он замер. Но не от моего крика. Он замер, будто налетел на невидимую стену. И тогда я увидела это: на секунду его силуэт будто расплылся, как отражение в воде, и сквозь него проступила тень огромного зверя.

Я моргнула — и тень исчезла. Но взгляд у него остался волчий: острый, голодный, будто он просчитывал, как быстрее добежать и схватить.

Девочка подняла голову, увидела его, и в её глазах мелькнуло что-то между любопытством и испугом.

— Ты чего? — спросила она, как будто это он тут был странным, а не весь мир.

А он шагнул ближе.

Вот тут я и сделала то, что вообще не планировала. Я встала между ним и девочкой, расставила руки, как будто могла закрыть её всем своим ростом, и выпалила первое, что пришло в голову, — ту самую концовку, которую мы читали сегодня с группой:

— И тут прибежали лесники, схватили волка и увели его прочь! Конец сказки!

Фраза прозвучала нелепо. Будто я не спасала ребёнка, а завершала утренник. Но сработало.

Он дёрнулся, будто его ударили током, и резко отшатнулся. На его лице промелькнуло выражение, как у человека, который очнулся посреди незнакомой комнаты и не понимает, как он сюда попал.

— Что... — пробормотал он, оглядываясь. — Где я?

Я выдохнула, но не расслабилась. Сердце колотилось так, будто хотело пробить дырку в груди.

— Ты в городе, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как писк. — В Бийске. На перекрёстке у «Пятёрочки». И только что чуть не напугал ребёнка.

Он перевёл взгляд на девочку, потом на меня, и в его глазах мелькнуло понимание, смешанное с чем-то похожим на стыд.

— Я... не помню, — сказал он, и голос у него был хриплый, будто он долго бежал. — Я просто... сел в машину, хотел взять заказ, а потом...

Он замолчал, будто пытался поймать ускользающие воспоминания, и вдруг резко обернулся к своей машине.

— Моя тачка! — почти выкрикнул он. — Я её не закрыл? Нет, закрыл... Точно закрыл!

Я невольно приподняла бровь.

— Ты сейчас переживаешь за машину?

— А что, не надо? — огрызнулся он, но тут же сбавил тон. — Прости. Просто... она для меня как... ну, как дом. Или как напарник. Я её чувствую. Если царапина — я её чувствую.

Я смотрела на него и пыталась сложить два и два. Водитель такси. Фанат скорости. И при этом только что выглядел как волк, который вышел на охоту.

— Тебя как зовут? — спросила я, потому что если мы будем стоять тут и смотреть друг на друга, я начну думать, что у меня галлюцинации.

— Сергей, — ответил он, потирая лоб, будто пытался стереть оттуда что-то лишнее. — Но все зовут Серый.

— Ладно, Серый, — кивнула я. — Тогда давай так: ты сейчас не бежишь ни за кем, не рычишь и не делаешь резких движений. А я... постараюсь объяснить, что тут происходит. Или хотя бы сделаю вид, что понимаю.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то уже совсем человеческое — усталое и немного ироничное.

— Объясни, — сказал он. — Потому что у меня такое чувство, что я только что проспал целый кусок жизни.

Тут девочка, которая всё это время стояла и смотрела на нас, как на бесплатный цирк, вдруг хихикнула:

— Вы как в кино! Только без спецэффектов.

Серый посмотрел на неё, потом на меня, и вдруг его лицо расслабилось.

— Слушай, — сказал он уже спокойнее, — если ты сейчас

скажешь, что это был розыгрыш, и где-то стоит камера, я буду очень благодарен.

Я покачала головой.

— Никаких камер. Зато есть книга, которая сама переезжает, и кошмары, в которых меня кто-то зовёт на помощь. И, кажется, я начинаю понимать, что это не просто сны.

Серый нахмурился, будто пытался перевести мои слова на понятный ему язык.

— То есть ты хочешь сказать, что... я был волком?

— Не совсем, — вздохнула я. — Скорее, на тебя наложен какой-то архетип. И ты стал... ну, Серым Волком. Но теперь ты снова Сергей, водитель такси. И, судя по всему, тебе это ближе.

Он кивнул, будто проверял, правда ли это.

— Да, — тихо сказал он. — Мне ближе. Я люблю скорость, люблю, когда машина слушается, люблю знать, куда еду. А не... не это.

Я посмотрела на него внимательнее. В нём всё ещё чувствовалась эта собранность, эта готовность рвануть вперёд в любую секунду. Но теперь она была не хищной, а просто... профессиональной. Как у гонщика, который знает, что дорога не прощает ошибок.

— Знаешь, — сказала я, — у меня есть теория. И она звучит безумно. Но, кажется, другого объяснения у меня нет.

— Давай, — кивнул он. — Хуже уже не будет.

— Эта штука с превращениями... она как-то связана

с совпадениями. Красная шапка, белая куртка, опасный незнакомец... Всё это запускает какой-то механизм. А когда я говорю концовку сказки, она как будто сбрасывает настройки.

Серый хмыкнул.

— То есть я — это сюжет?

— Похоже на то, — пожала плечами я. — И, кажется, ты не один такой.

Он помолчал, потом посмотрел на свою машину, будто она могла ему что-то подсказать.

— Ладно, — наконец сказал он. — Допустим. Но у меня вопрос. Если это всё правда... то что мне теперь делать?

Я хотела сказать что-то умное, что-то ободряющее. Но вместо этого честно призналась:

— Понятия не имею. Но я знаю одно: в одиночку с этим не справиться. А у меня как раз есть одна книга, которая, кажется, знает больше, чем говорит.

Серый посмотрел на меня, потом на девочку, которая уже снова листала журнал, будто ничего и не было.

— Тогда, может, начнём с того, что я отвезу вас куда-нибудь? — предложил он. — Ну, знаешь, обычное дело: такси, пассажиры, дорога. Без волков и сказок. Хотя бы на пять минут.

Я улыбнулась. Впервые за день улыбка получилась настоящей.

— Давай. Только... без резких манёвров, ладно? У меня

и так сердце сейчас выпрыгнет.

Он улыбнулся в ответ, и в этой улыбке было что-то, от чего мне вдруг стало чуть спокойнее.

— Без резких, — пообещал он. — Но быстро. Я быстро умею.

Глава 3. В такси с животными нельзя

Серый открыл мне дверь своей машины — не просто распахнул, а как-то по-особенному, будто впускал в место, где всё под контролем.

— Садитесь, — сказал он, чуть кивнув. — Тут чисто, не переживайте. Я тут даже крошки не терплю.

Я скользнула на сиденье, втянув носом запах: немного пластика, немного кофе, немного чего-то очень мужского и спокойного — будто машина знала, кто её хозяин, и гордилась этим. И ещё: тут было тепло. После улицы, где ветер пытался залезть под каждую пуговицу, это тепло ощущалось почти как объятие. На пластике сиденья ещё держался лёгкий след тепла — будто до меня тут кто-то сидел и только-только вышел.

Серый обошёл машину, сел за руль, и я вдруг поймала себя на том, что смотрю на него не как на «парня, который только что был волком», а как на обычного водителя. Только очень внимательного. Он поправил зеркала, проверил ремень, будто хотел убедиться, что я пристегнулась, и только потом тронулся. На панели тускло мигали индикаторы, щёлкал поворотник, и этот привычный городской ритм вдруг стал казаться чем-то надёжным.

— Куда едем? — спросил он спокойно, но в голосе чувствовалось: он готов везти хоть на край города, хоть просто кружить по району, если мне так спокойнее.

— До дома, — сказала я, а потом, чтобы не звучать слишком серьёзно, добавила: — Но если знаешь дорогу, где нет светофоров, буду благодарна. Сегодня мне светофоры кажутся слишком многозначительными.

Он хмыкнул, и в этом звуке было что-то хорошее — как будто он понял мою шутку и не стал её обесценивать. А я обратила внимание и на слегка кривоватую носовую перегородку, будто ему не раз прилетало, и на густые тёмные брови, которые играли самую значимую роль в его мимике. Парень был широкоплеч, и даже под верхней одеждой, которая, казалось, должна была скрывать все нюансы, было видно, что парень он спортивный, под стать архетипу волка. Казалось, он прямо сейчас выскочит из машины и перекинется в какого-нибудь волка, как в культовом фильме «Сумерки». Но вместо этого он просто поправил кепку, которую не снял, и снова уставился на дорогу.

— Знаю, — кивнул он. — Есть объезд через дворы. Там, правда, бабушки строгие, но зато без красного света.

Машина плавно покатилась вперёд, и впервые за день у меня внутри что-то расслабилось. Не всё, конечно. Кошмары, книга, стихи Артёма — всё это никуда не делось. Но сейчас, в этой узкой кабине, где пахло кофе и надёжностью, казалось, что можно выдохнуть хотя бы на десять минут. За

оком город становился тише: вместо широких проспектов пошли дворы, где фонари горели тускло, а снег лежал неровными кучами, будто его накидали в спешке и забыли разровнять. На одном из козырьков висели сосульки, похожие на кривые стеклянные зубы.

Серый поглядывал то на дорогу, то на меня — коротко, будто боялся, что если задержится взглядом, я это замечу. А я замечала. И делала вид, что не замечаю. В какой-то момент я поймала себя на том, что невольно копирую его собранность: сижу ровно, не ёрзаю, будто тоже должна держать ситуацию под контролем.

— Слушай, — вдруг сказал он, не глядя прямо, — ты в этой куртке... горчичной... выглядишь так, будто решила объявить городу, что сегодня будет хороший день. Даже если город не согласен.

Я скосила на него глаза.

— Это не стратегия, — фыркнула я. — Это куртка. Она была на скидке, и у неё карманы такие глубокие, что тудалезает целая жизнь. Вчера я туда положила термос, ключи, три салфетки, сломанную заколку и ещё что-то, что до сих пор не опознала.

Серый улыбнулся, и улыбка у него получилась не широкая, а аккуратная — будто он сам её сдерживал, чтобы не выглядеть слишком довольным.

— Ну, пусть будет скидка, — согласился он. — Но цвет тебе идёт. С твоими волосами... вообще как солнце в пас-

мурный день.

Я закатила глаза, но внутри что-то приятно шевельнулось.

— Осторожно, Серый, — поддела я. — Ещё немного, и я подумаю, что ты романтик. А мне тут нужен просто таксист, который знает дворы и не спрашивает про личную жизнь.

— Не спрашиваю, — спокойно кивнул он. — Просто констатирую факт. И ещё один: ты очень быстро всё переводишь в шутку.

Я приподняла бровь.

— А что, нельзя? У меня профессия такая: если не шутить, можно заплакать над пластилиновой кашей. Однажды ребёнок размазал её по батарее и сказал: «Это закат». И ты стоишь и думаешь: «Ну, в каком-то смысле да».

Он помолчал, будто переваривал это, а потом тихо сказал:

— Ты хорошая. С детьми. И вообще.

И вот тут я не нашлась, что поддеть в ответ. Потому что это прозвучало не как флирт, а как наблюдение. Как будто он заметил что-то важное и просто сообщил, без пафоса.

— Спасибо, — буркнула я, глядя в окно. — Но не обольщайся. Я могу быть очень колючей. Бывший говорил, что у меня в каждом предложении спрятана маленькая иголка.

Серый хмыкнул.

— Может, это не иголки, — возразил он. — Может, это броня. Чтобы никто не подошёл слишком близко и не сломал.

Я покосилась на него.

— Ты сейчас философствуешь за рулём? Это опасно.

— Я за рулём всегда философствую, — спокойно ответил он. — Иначе с пробками не выжить. Да и вообще... когда крутишь баранку, мысли сами складываются.

Мы свернули во двор, где фонари горели тускло, а снег лежал неровными кучами. Машина мягко покачивалась на кочках, и Серый вёл её так, будто чувствовал каждую выбоину заранее — не дёргался, не торопился, просто знал, куда крутить руль. В какой-то момент он резко, но точно вывернул, объезжая огромную ледяную колдобину, и я невольно схватилась за ручку двери.

— Прости, — тут же сказал он. — Тут надо знать, где яма прячется.

— Ничего, — выдохнула я. — Зато теперь верю, что ты тут всё знаешь.

— Знаешь, — сказал он вдруг, — когда я... ну, когда это на меня накатывает... я ничего не помню. Только обрывки. Как будто кто-то взял и вырезал кусок времени. Но сейчас... сейчас я помню всё. И как ты встала между мной и девочкой. И как сказала эту концовку. И даже как ты нахмурилась, будто думала: «Ну вот, ещё один сумасшедший».

Я пожала плечами.

— Я думала: «Ещё один день в моей обычной жизни». У меня их много.

— Но ты не убежала, — тихо сказал он.

— А смысл? — усмехнулась я. — Я же воспитательница.

У нас не принято убегать от монстров. Мы их сначала сажаем на коврик, просим рассказать, что их тревожит, и только потом вызываем подкрепление.

Он рассмеялся — впервые по-настоящему, и этот смех был тёплый, как кофе в термосе.

— Ладно, — сказал он. — Значит, я теперь на коврике. И рассказываю, что меня тревожит. Меня тревожит, что я могу снова стать... им. И не заметить.

Я посмотрела на него. На его профиль, на то, как крепко он держит руль, будто это единственное, что его держит в реальности. И вдруг поняла, что шутить больше не хочется.

— Тогда мы сделаем так, — сказала я уже без иронии. — Ты мне говоришь, если чувствуешь, что «плывёшь». А я... я буду рядом. И если что — снова прочитаю концовку. Или просто дам тебе кофе. Или посажу на коврик. Что сработает.

Он покосился на меня, и в его взгляде было столько благодарности, что мне стало неловко.

— Спасибо, — просто сказал он. — Это... много значит. А потом, будто чтобы снять напряжение, добавил:

— Только давай без коврика. У меня репутация.

Я улыбнулась.

— Ладно. Без коврика. Но кофе — обязательно.

Мы подъехали к моему подъезду. Серый аккуратно припарковался, выключил двигатель, и в машине стало тихо — так тихо, что слышно было, как за окном скрипит снег под чьими-то шагами. Где-то рядом хлопнула дверь подъезда,

детский голос крикнул: «Подожди!», и этот обычный городской шум вдруг показался мне самым правильным звуком на свете.

— Вот, — сказал он, будто оправдываясь. — Довёз. Без волков. Почти.

— Почти, — согласилась я. — Но я всё равно поставлю тебе пять звёзд в приложении. За дворы и за то, что не спрашивал про личную жизнь дольше пяти минут.

Он снова улыбнулся — и на этот раз улыбка вышла чуть шире, чуть свободнее.

— Если что, — сказал он, когда я взялась за ручку двери, — я всегда на линии. Номер у тебя есть. Если книга снова появится в холодильнике, или если голоса... ну, ты знаешь.

Я кивнула, чувствуя, как внутри что-то теплеет.

— Спасибо, Серый.

Вышла из машины, запахла пуховик, подняла воротник. Уже у самой двери обернулась: он всё ещё сидел за рулём, смотрел на меня и будто хотел убедиться, что я точно зашла. На стекле машины медленно оседал иней, и его силуэт за этим стеклом казался чуть размытым, будто между нами уже начала тянуться тонкая ледяная плёнка, которую можно было разбить одним словом.

Я помахала ему, и он кивнул в ответ — коротко, по-мужски, как будто давал обещание: «Я тут. Я рядом».

И когда я закрыла за собой дверь подъезда, мне впервые за этот сумасшедший день показалось, что, может быть, я не

одна. В подъезде пахло старой краской и чем-то домашним, лифт тихо гудел, и этот привычный, немного унылый запах вдруг стал ощущаться как защита.

Глава 4. Кошмар кошмаром погоняет

Ночь выдалась приужасная. Как только я провалилась в так сильно нуждавшийся во мне сон без сновидений, как снова слышала голоса. Но не только их, слава богу, а то у меня совсем бы поехала крыша. Хотя, может, она уже и поехала, просто я ещё не заметила.

Сквозь крики и темноту начала проявляться блёклая картинка какого-то густого леса. Тени деревьев то тут, то там создавали эффект «мы здесь не одни» — будто кто-то прятался за каждым стволом, выжидая, когда я обернусь. Под ногами начала проявляться тропинка, ведущая непонятно куда и непонятно зачем. А голоса подгоняли:

— Быстрее...

— Посмотри...

— Они уже рядом...

«Опять двадцать пять, — мысленно застонала я. — Когда ж это закончится?»

Пришлось медленно, ступая босыми ногами по колючей, будто живой, земле, пойти по тропинке. И уткнуться, чтоб его, в домик на курьих ножках. Только этого мне не хватало.

Сказочное жилище медленно раскачивалось из стороны в сторону, будто укачивая само себя, а из единственного ма-

ленького окна на меня смотрел зоркий глаз, от которого мороз по коже даже во сне пробежал. С крыши вспорхнула крикливая ворона, каркнула прямо в ухо — и вот я уже открыла глаза, хватая ртом воздух, как будто вынырнула из ледяной воды.

Тишина. Обычная тишина моей квартиры. Часы на тумбочке показывали 06:47. За окном ещё толком не рассвело, город только просыпался, потягивался, скрипел тормозами редких машин. Я села, обняв колени, и постаралась выровнять дыхание.

— Это просто сон, — сказала я вслух, чтобы голос прорезал липкую паутину кошмара. — Просто сон. И никакой магии. И никаких домиков.

Но в глубине души я знала: это не просто сны.

Слава богу, сегодня суббота. Выходной. На субботу у меня были грандиозные планы: приготовить домашнюю пиццу и уплести её в одно, так сказать, рыло под любимый сериал. Да, воспитатель тоже нуждается в релаксе. И что вы мне делаете? Я не пью, не курю и другим не советую. Могу я хоть отъестся до пуза и лениво попивать «Кокаколу Зеро»? Могу, и ещё как!

Я долго стояла под душем, позволяя горячей воде смыть остатки липкого страха. Потом завернулась в полотенце, а после накинула тёплый кардиган прямо поверх пижамы, натянула поверх всего шапку — ту самую, с помпоном, которую бабушка Нина связала мне лет десять назад. Она

была немного нелепая, но от неё пахло домом и спокойствием. Этого должно было хватить на пробежку до ближайшего продуктового, чтобы закупиться всем для долгожданной пиццы, аромат которой уже будто витал где-то под носом.

В магазине я двигалась по проходу как по квесту: тесто (готовое, я не герой), сыр (два вида, потому что «а вдруг»), колбаса, помидоры, грибы, оливки — всё по списку, без лишних эмоций. На кассе я улыбнулась кассиру, он кивнул, будто мы с ним каждый день спасаем мир покупкой пиццы, и я вышла на улицу, довольная, как слон. Хотелось звонко причмокнуть от предвкушения, но я удержалась — а то прохожие и правда подумают, что я «не алё».

Уже выходя, я заприметила одинокую старушкууборщицу, которая мела тротуарные дорожки. Она работала усердно, ритмично, будто выметала из города всю накопившуюся за неделю усталость. Метла шуршала по асфальту, поднимая лёгкие облачка пыли и снега.

И вдруг она резко окаменела. На секунду замерла, будто её кто-то дёрнул за невидимую нитку. А через миг просунула огромную метёлку между ног и начала что-то истерично орать — слова сливались в один сплошной, визгливый поток, от которого хотелось закрыть уши и сбежать.

От шока хотелось взвыть на луну со словами: «Да за что?!»

Я стояла, вцепившись в пакет с продуктами, и не знала, что делать. Подойти? Спросить, всё ли в порядке? Или луч-

ше не трогать, вдруг это не про меня?

И тут старушка резко опустила метлу, посмотрела прямо на меня — и в её глазах мелькнуло что-то знакомое. Не безумие, нет. А будто... узнавание.

— Ты, — выдохнула она, тыча метлой куда-то в сторону моего пуховика. — Ты опять тут. И опять не слушаешь.

Я нахмурилась.

— Простите, вы это мне?

Она шагнула ближе, и я невольно попятилась.

— Тебе, тебе. Думаешь, если надела куртку смешного цвета и делаешь вид, что всё нормально, то оно и правда нормально? Неа. Мир трещит, слышишь? Трещит по швам. А ты ходишь, пиццу собираешься печь, будто ничего не происходит.

Я сглотнула. Пакет в руках стал казаться подозрительно тяжёлым.

— Я... я просто хотела пиццу, — пробормотала я, чувствуя, как нелепо это звучит.

Старушка фыркнула, будто я сказала самую очевидную глупость на свете.

— Пицца не спасёт. Спасут только те, кто не отворачивается. Кто смотрит. Кто слушает.

Она снова взмахнула метлой, и на этот раз в этом движении было не безумие, а какой-то странный, чёткий ритм — будто она не мела, а отбивала такт, задавала темп городу.

— Иди, — сказала она уже спокойнее. — Иди и не при-

творяйся, что не видишь. Ты видишь. Просто боишься поверить.

Я кивнула, сама не зная, согласна ли я или просто хочу, чтобы она перестала на меня смотреть.

— Ладно, — сказала я. — Спасибо. Наверное.

Она хмыкнула, повернулась и пошла дальше, снова шурша метлой по асфальту — теперь уже как ни в чём не бывало, будто и не было никакой истерики, будто она просто напомнила мне что-то важное и теперь могла спокойно вернуться к работе.

Я постояла ещё пару секунд, прислушиваясь к себе. Страх потихоньку отступал, уступая место чему-то другому — какому-то странному, колючему любопытству.

А потом достала телефон и набрала номер, который совсем недавно казался мне просто номером таксиста.

Гудок. Второй. Третий.

— Алло, — раздался в трубке голос Серого — немного сонный, но сразу собранный, будто он всегда был готов к тому, что ему позвонят посреди утра с какой-нибудь бедой.

— Серый, — выдохнула я, и в этом слове было сразу всё: и страх, и облегчение, и надежда, что он сейчас скажет что-то простое, заземляющее. — Тут... тут опять что-то происходит. И я не уверена, что справлюсь с этим в одиночку.

Он помолчал ровно секунду — ровно столько, сколько нужно, чтобы понять: это не шутка.

— Где ты? — спросил он спокойно.

— У магазина. С пакетом пиццы. И с ощущением, что мир немного сошёл с ума.

Ещё одна короткая пауза. Потом:

— Сиди там. Не уходи. Я буду через десять минут.

И он повесил трубку.

Я посмотрела на пакет, на метущую старушку, на серые дома, на серое небо — и вдруг поняла, что пицца может и подождать. Потому что мир действительно трещал по швам. И кто-то должен был это услышать.

Глава 5. Кабы я была царицей...

— И чего она сказала? — увлечённо слушал меня Серый, параллельно поедая сооружённый на скорую руку бутерброд из того, что нашлось в моём холодильнике: кусок ветчины, ломтик сыра и лист салата, который я торжественно провозгласила «витаминной поддержкой».

Мы сидели на моей кухне — уютной, хоть и немного захламлённой: на сушилке всё ещё висели полотенца после утреннего душа, на подоконнике дремал фикус, который я забывала поливать, а на холодильнике красовалась магнитная галерея из детских рисунков — каждый со своей историей.

Я обхватила горячую кружку ладонями, будто пыталась впитать из неё не просто тепло, а какое-то простое, земное спокойствие. Кофе пах привычно и надёжно — никакой магии, просто обжаренные зёрна, сахар и капля сливок.

— Сказала, что мир трещит по швам, и я что-то вижу, но не вижу, — устало потёрла руками глаза я. — Звучит как бред, да?

Серый не стал кивать или качать головой, не стал снисходительно улыбаться. Он откусил бутерброд, пожевал, проглотил, будто давал себе время подобрать правильные слова. Потом поставил кружку на стол, чуть сдвинул блюдце, будто выравнивал не посуду, а свои мысли.

— Не бред, — наконец сказал он. — Просто... язык у неё такой. Как у тех, кто слишком долго смотрит в одну точку и начинает замечать то, что остальные пропускают.

Я хмыкнула, но без злости — скорее от облегчения, что он не стал меня разубеждать.

— Ты это говоришь, потому что ты сам... ну... иногда становишься волком.

Он чуть приподнял бровь, и в этом движении было столько привычной мужской сдержанности, что я почти улыбнулась.

— Я этого не контролирую, — спокойно ответил он. — Но я это помню. И если кто-то говорит про швы мира — мне уже не кажется, что это метафора.

Вся эта история с книгой, странным дядькой и всеми этими сказками, кошмарами вперемишку совсем не вызывала во мне счастья. Я же не героиня какого-нибудь сериала на «Домашнем» или, не дай бог, на «ТВ3». Зачем мне всё это? Почему я?

Мы с Серым как раз допили остывший кофе и чуть-чуть выдохнули — будто если мы будем говорить про обычные вещи, магия сама по себе рассосётся, как туман над рекой к полудню. Я рассказывала про то, как в детстве боялась железных горок во дворе, потому что была уверена, что они по ночам оживают и переставляют себя на другие места. Серый смеялся негромко, сдержанно, но в этом смехе было столько тепла, что кухня вдруг стала казаться не просто комнатой, а

маленьким безопасным островком.

И тут из глубины квартиры донёсся глухой тяжёлый звук — будто что-то твёрдое упало плашмя, не отскочив, не звякнув, а именно упало, смиренно и окончательно.

Я замерла с ложкой в руке.

— Это что? — тихо спросил Серый, и вся его расслабленность в одну секунду сменилась собранностью — он напрягся, будто готов был в любую секунду вскочить и закрыть меня собой.

— Понятия не имею, — прошептала я. — Но догадываюсь.

Мы переглянулись, и без слов поняли друг друга: книга.

Я встала, стараясь не шуметь, хотя от этого становилось только страшнее — будто любой звук мог спугнуть что-то важное или, наоборот, разбудить. Серый шёл следом, не отставая ни на шаг. В коридоре было чуть темнее, чем на кухне, и тени лежали по углам, как настороженные звери.

Книга лежала на полу у книжного шкафа, раскрытая. И раскрыта она была ровно на сказке о царе Салтане. На строчках, где девицы под окном прядут и говорят: «Кабы я была царицей...».

Я присела на корточки, не решаясь дотронуться.

— Ну вот, — тихо сказал Серый. — Это уже не случайность.

— Нет, — согласилась я. — Это... знак. Или подсказка. Или издевательство. Пока не поняла.

Он присел рядом, осторожно, будто боялся спугнуть саму страницу.

— Думаешь, это про тебя? Про то, что ты «должна» кем-то стать?

— Не хочу я никем становиться, — пробормотала я. — Я хочу просто жить. И печь пиццу.

Но книга, будто услышав меня, вдруг шевельнулась. Страницы зашелестели сами по себе, быстро, жадно, как будто искали что-то, что нельзя было пропустить. И замерли на развороте с иллюстрацией.

Картинка не имела никакого отношения к тексту сказки. Это была не сцена из «Салтана», не терема, не кораблики, не белки в хрустальных домиках.

На рисунке была женщина в элегантном пальто — строгом, дорогом, с чёткими линиями. В её руке поблёскивал кинжал, тонкий и острый, словно сделанный из света и льда. Она стояла за спиной мужчины, и по её лицу было ясно: ничего хорошего этому мужчине не светит. А фоном служила вывеска: «Модный бутик Аврора».

Мы с Серым переглянулись.

— Это не сказка, — сказала я. — Это... реальность.

— Или её отражение, — поправил Серый. — Как в кривом зеркале.

Я схватила телефон, пальцы дрожали, но я всё-таки набрала в поиске: «модный бутик Аврора Бийск». И сразу выскочил адрес — буквально в десяти минутах езды отсюда.

— Совпадение? — усмехнулся Серый, но в его голосе не было веселья. — Не верю я в такие совпадения.

— И я не верю, — кивнула я. — Поехали.

Бутик «Аврора» оказался в старом доме на углу, в том самом месте, где первый этаж давно перестал быть жилым и превратился в череду магазинов с зеркальными витринами и золотыми буквами. Мы влетели внутрь, даже не подумав постучать или позвонить — просто рванули дверь, и она поддалась, звякнув колокольчиком, который прозвучал как сигнал тревоги.

Внутри было тихо, слишком тихо для магазина. Ни музыки, ни шуршания пакетов, ни голосов консультантов. Только напряжённый воздух, будто кто-то только что закричал, и звук ещё висел в комнате, не успев рассеяться.

А потом раздался голос:

— Это я должна была стать царицей! Я!

Женщина в элегантном пальто стояла в центре зала, а перед ней пятился мужчина, бледный, с расширенными глазами, будто пытался раствориться в воздухе. В её руке действительно был нож — не театральный реквизит, а настоящий, узкий и острый.

Серый рванул вперёд, я — за ним.

— Эй! — крикнул Серый, перекрывая её крик. — Остановись!

Она резко повернула голову, и в её взгляде мелькнуло что-то звериное, отчаянное.

— Ты не понимаешь! — выкрикнула она. — Он обещал! Он говорил, что я особенная, что мы будем править вместе! А потом пришёл к моей сестре и сказал: «Ты будешь моей королевой». Королевой! А я? Я кто?

Мужчина попятился, споткнулся о стойку с вешалками и рухнул, ударившись головой о пол. И затих.

— Стой! — крикнула я, сама не зная, что делаю, но чувствуя, что если она сейчас сделает шаг, всё станет непоправимым. — Пожалуйста! Он не стоит этого!

Она посмотрела на меня, будто только сейчас увидела, что в комнате есть кто-то ещё. Её рука дрогнула.

— Он всё сломал! — прошептала она, и в этом шёпоте было столько боли, что мне вдруг стало её жалко, несмотря на нож. — Всё. До последней нитки.

Серый шагнул вперёд, медленно, чтобы не спугнуть, и в один точный, выверенный момент схватил её за запястье, вывернул руку так, что нож звякнул, упав на пол. Она не сопротивлялась, только обмякла, будто из неё разом ушла вся ярость.

Мужчина так и лежал без движения. Я подбежала, наклонилась, нащупала пульс — он был, ровный, но слабый.

— Вызови скорую, — бросил Серый, удерживая женщину, которая теперь смотрела в одну точку и тихо шептала: «Я должна была быть царицей...».

Я набрала 103, коротко, чётко объяснила, где мы и что случилось. Потом села на пол рядом с мужчиной, положила

его голову себе на колени, чтобы он не ударился, если начнёт приходить в себя.

Когда приехала скорая, всё завертелось: врачи, вопросы, сирены. Мужчину увезли первым. Женщина шла спокойно, будто теперь, когда буря закончилась, она просто устала.

Уже на улице, когда мигалки растворились в сером дне, Серый прислонился к стене, будто ноги его больше не держали.

— Ну вот, — сказал он, глядя на меня. — Опять не просто такси.

— Опять не просто воспитательницу, — вздохнула я.

Потом мы вернулись в бутик — уже с полицией, уже по правилам. И там, среди вешалок и зеркал, женщина вдруг заговорила спокойно, будто рассказывала не про покушение, а про плохой сон.

— Я любила его, — говорила она, глядя куда-то сквозь нас. — А он выбрал мою сестру. Сказал, что она мягче, добрее, что с ней ему спокойнее. А я... я всегда была слишком громкой, слишком резкой. Слишком «царственной», как он говорил. Но разве это плохо — хотеть большего?

Полицейский кивал, записывал. А мы с Серым стояли и понимали: она и правда стала архетипом. Одной из тех сестёр, что сидели под окном и мечтали: «Кабы я была царицей...». Только мечта эта исказилась, превратилась в яд, который разъедал её изнутри.

Стоя недалеко от виновницы происшествия, я вдруг по-

чувствовала, как в голове сами собой всплывают строчки из той самой сказки — будто книга, даже не находясь рядом, продолжала шептать мне нужные слова. И я торопливо, почти не дыша, прошептала их, надеясь, что женщина услышит, что эти простые, знакомые с детства рифмы смогут пробить ту пелену ярости, которая держала её в плену:

— *А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всём они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трёх домой.*

Слова прозвучали странно среди вешалок с пальто, зеркал и запаха дорогой ткани — как будто я принесла сюда кусочек другого мира, где всё заканчивается не кровью, а прощением.

На мгновение в зале повисла тишина. Даже полицейские, которые уже начали оформлять протокол, будто замерли, прислушиваясь не к словам, а к тому, как они легли на этот тяжёлый воздух.

И женщина вдруг словно осела. Её плечи опустились, будто с них сняли невидимый груз. Глаза, ещё секунду назад горевшие обидой и гневом, начали принимать ясность — будто кто-то протёр запотевшее стекло, и сквозь него снова стало

видно человека, а не тень архетипа. Руки, до этого напряжённо сжатые в кулаки, медленно разжались, пальцы дрогнули, словно пробуя почувствовать что-то обычное: ткань пальто, холод воздуха, реальность момента.

Я с шумом выдохнула и кивнула наблюдавшему за мной Серому. В его взгляде читалось: «Ты сделала это. Ты вытащила её». Но я знала, что не я. Это были слова — старые, добрые, проверенные веками. Они не стирали боль, но возвращали человеку право быть не монстром, не злодейкой из сказки, а просто женщиной, которую предали.

Женщина медленно опустила голову, и по её щеке скатилась слеза — не театральная, не для эффекта, а настоящая, тяжёлая от усталости.

— Я... я не хотела, — прошептала она, и голос её звучал теперь не как крик, а как тихий, измученный шёпот. — Просто... когда он сказал, что выбрал её, мне показалось, что меня стёрли. Как будто меня никогда не было. И тогда я подумала: если я стану сильной, если я стану той, кого бояться... может, он поймёт, кого потерял.

Серый шагнул вперёд, но не резко — так, чтобы она видела каждое его движение, чтобы не напугать.

— Ты не стёрлась, — тихо сказал он. — Просто сейчас тебе очень больно. Это не делает тебя плохой. Но и не делает правильным то, что ты хотела сделать.

Она кивнула, не поднимая глаз, будто боялась, что если встретится с кем-то взглядом, снова сорвётся.

— Да, — выдохнула она. — Я знаю. Просто... боль была громче разума.

Глава 6. Следствие вели Варя и Серый

Нас следующий день мы с Серым договорились отправиться на поиски того самого дарителя волшебной книги и вытрясти из него всё, что вообще возможно в его ситуации. Какимто потусторонним чутьём я понимала, что встреча со слепым мужчиной не принесёт нам всех ответов, но даст надежду на то, что мы сможем всё «починить». Странные сны, ненормальные проявления архетипов в обычных людях — всё это словно часть совсем другого мира, не нашего. И надо было что-то с этим делать.

Утро воскресенья выдалось на первый день декабря. Воздух дышал холодом, а люди дышали через шарфы, чтобы совсем не заколоться. Раньше, как только зима брала свои повадки над землёй, во мне зажигался счётчик дней до любимого праздника — Нового года. С детства это был самый шумный и яркий праздник: куча блёсток, еды, нарядов и ароматная ёлка. Казалось, в эти праздничные дни сказка сама ходила по тротуарам и паркам города, принося счастье и веселье даже самым унылым горожанам.

В детском саду тоже полным масштабом начиналась подготовка к новогоднему утреннику. Споры насчёт костюмов, выбора песен и того, кому всё-таки достанется роль Снегу-

рочки. Надежда теплилась в сердце, что в понедельник ко мне не придёт музыкальный руководитель и не притащит следом вешалку с костюмом Снегурочки или, упаси боже, Деда Мороза. К слову, в прошлом году я была Дедом Морозом, потому что вечно занятые папаши огромного количества детей сослались на работу, учёбу и ремонт в гостиной. В общем, мельчала мужская стать, ага. Приходилось отдуваться бедным воспитательницам и париться в костюме, стараясь не упасть в обморок от духоты.

Серый приехал и посигналил под моими окнами в клаксон, когда я уже выпивала третью кружку не справлявшегося с сонливостью чёрного кофе. Я махнула ему рукой, что сейчас выхожу, и, как солдат в армии, собралась, пока огонёк спички горит. Садясь в тёплое авто, я чмокнула в холодную, слегка шершавую щёку своего напарника и увидела, как его глаза округлились, будто он увидел живого слона во дворе моего дома.

— Ты чего? — спросила я, застёгивая куртку.

— Да я так, — нахмурил брови волчонок. — Просто не ожидал поцелуя.

— Так это как приветствие. С близкими я всегда чмокаюсь в щёку. Это уже как привычка.

— А... — понимающе закивал головой Серый, но в его глазах отразилось будто бы разочарование.

Я на секунду замерла, потом тихо хмыкнула:

— Эй. Если тебе хотелось не «как с близким», а... ну, чуть

иначе, мог бы и сказать.

Он фыркнул, отвернулся, делая вид, что поправляет зеркало, но уши у него слегка покраснели — и это было куда красноречивее любых слов.

— Не надо, — буркнул он. — Я в порядке. Просто... не привык к такому. К хорошему.

— К хорошему привыкают быстро, — улыбнулась я.

Мы ещё немного посидели, позволяя тишине стать не неловкой, а уютной, а потом взялись за дело. Обсудив, где будем искать нашего спонсора приключений, мы решили приехать на то место, где я в первый и последний раз видела слепого мужчину — на перекрёстке у старой аптеки, где вечно путались пешеходные переходы и светофоры. И на удивление не прогадали. Или это он нас дожидался.

Мужчина стоял на светофоре, спрятав руки в карманы чёрного пальто, и держал голову прямо. Он не смотрел по сторонам — ему это было ни к чему. Но когда мы подошли к нему, он без паузы повернул голову ровно в нашу сторону, будто видел нас не глазами, а чемто другим.

— Приветствую вас, молодые хранители, — сказал он спокойно, и голос его звучал так, будто он знал нас куда дольше, чем пару встреч.

Я невольно сглотнула. «Хранители» — это слово повисло между нами, тяжёлое и важное.

— Вы... вы ждали нас? — выпалила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ждать можно только тех, кто идёт навстречу, — спокойно ответил он. — А вы шли. Я слышал шаги.

Серый напрягся, будто готов был в любой момент подхватить меня и увести, но не делал резких движений — только чуть выдвинулся вперёд, закрывая меня собой, но так, чтобы это не выглядело грубо.

— Нам нужно знать про книгу, — прямо сказал Серый. — Откуда она. Зачем. И как это остановить.

Слепой мужчина чуть наклонил голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними.

— Остановить нельзя, — тихо произнёс он. — Можно только научиться держать. Как держат огонь: не давая ему сжечь дом, но и не позволяя погаснуть. Книга — не случайность. Она выбирает тех, кто не отворачивается. Тех, кто готов видеть.

— Но я не хочу видеть! — вырвалось у меня, и я тут же прикусила язык, потому что прозвучало это как каприз ребёнка, а не как слова взрослой женщины.

Мужчина улыбнулся — не насмешливо, а мягко, будто помнил себя в такой же растерянности.

— Никто не хочет видеть боль мира, — сказал он. — Но те, кто всё равно смотрят, делают его чуть светлее.

Я опустила глаза, разглядывая трещины в асфальте. Где-то рядом скрипнула дверь магазина, проехала машина, город жил своей обычной жизнью, и от этого контраст становился ещё острее: вот тут, на этом перекрёстке, реальность будто

приоткрывала потайную дверцу, и мы стояли прямо перед ней.

— Книга показывает архетипы, — продолжил мужчина, будто читал наши мысли. — Старые образы, старые роли. Они живут в людях, дремлют, пока не найдут почву. А когда находят — становятся опасны. Ваша задача — не дать им поглотить человека. Возвращать их туда, где им место: в сказки, в истории, в слова.

— Как мы должны это делать? — спросил Серый, и в его голосе было не раздражение, а настоящая потребность знать.

— Поразному. Иногда — словом. Иногда — делом. Иногда просто тем, что остаётесь рядом. Вы уже делали это. Вспомните женщину в бутике. Вы не дали ей стать её собственной тенью.

Я вспомнила те строчки из «Салтана», которые прошептала, и как глаза женщины вдруг стали ясными. И кивнула.

— Значит, мы не просто случайные люди, которых затянуло в эту историю, — проговорила я скорее для себя, чем для него.

— Нет, — кивнул слепой мужчина. — Вы — те, кто может держать равновесие. Пока книга с вами, вы — хранители границы.

Ветер резко рванул, швырнув в лицо горсть колючего снега. Я вздрогнула, плотнее закуталась в куртку, и вдруг поняла, что не чувствую себя загнанной в ловушку. Скорее... выбранной. Не потому что мне этого хотелось, а потому что я

не смогла пройти мимо.

— А если мы не справимся? — тихо спросил Серый.

— Тогда мир станет чуть темнее, — просто ответил мужчина. — Но вы справитесь. Потому что вы уже не одни.

Он протянул руку, не глядя, и положил её мне на плечо — лёгкое, уверенное прикосновение, от которого вдруг стало спокойнее.

— Идите, — сказал он. — Сейчас ваша битва — не с книгой. Ваша битва — за то, чтобы оставаться собой. И чтобы помогать другим оставаться собой. А книга... она будет показывать то, что нужно увидеть. Доверяйте не ей, а себе.

Мы стояли ещё несколько секунд, впитывая эти слова, а потом Серый чуть подтолкнул меня локтем:

— Ну что, хранительница. Поедем спасать кого-нибудь от него самого? Или сначала за горячим кофе?

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри что-то выравнивается.

— Кофе, — решительно сказала я. — А потом... посмотрим, кого сегодня нужно вернуть из сказки в реальность.

Глава 7. Шрамы которые не видно

Мы сидели в маленькой кофейне на углу, где пахло жареными орешками и старой проводкой, а за стойкой вечно спорили бариста и владелец насчёт того, какой сорт кофе «по-настоящему честный». Я грела ладони о чашку с какао — кофе сегодня казался слишком резким, слишком бодрым для моих нервов. Серый крутил в пальцах ложечку, не глядя на неё, будто это был какой-то сложный механизм, который он обязан разобрать и собрать обратно.

— Ты хотел рассказать про себя, — тихо сказала я, не давая, но и не давая ему шанса снова уйти в шутку. — Про... ну, про то, как это началось. И как ты учишься не терять контроль.

Он замер на секунду, потом медленно положил ложечку на блюдце. Звук получился неожиданно громким в нашей тихой нише у окна. За стеклом город продолжал жить своей обычной жизнью: кто-то спешил, кто-то стоял, уткнувшись в телефон, кто-то просто ждал автобуса, не думая о границах между мирами и волках внутри.

— Я не люблю об этом говорить, — признался он, наконец подняв на меня глаза. — Не потому что стыдно. Просто... когда произносишь вслух, это становится настоящим. А я столько лет пытался убедить себя, что это сон.

Я кивнула. Это я понимала. Сама столько раз хотела, что-

бы всё оказалось сном.

— Мне было семнадцать, — начал он, глядя куда-то мимо меня, в ту точку на стене, где облупилась краска и проглядывал кирпич. — Мы с отцом ездили на охоту. Не ради добычи, он вообще был из тех, кто больше любил просто быть в лесу, слушать тишину. А я тогда был... ну, подростком. Злым, нервным, хотел доказать, что я уже взрослый.

Он помолчал, будто подбирал слова, которые не разорвут прошлое на куски.

— В тот вечер мы разбили лагерь. Отец ушёл проверить капканы, а я остался у костра. И вдруг... я почувствовал, что внутри что-то меняется. Как будто кожа стала тесной, как будто мир стал слишком ярким, слишком громким. Запахи били в нос, каждый треск ветки звучал как выстрел. Я помню, как пытался схватиться за что-то твёрдое — за котелок, за край палатки, — чтобы удержаться в себе. Но это не сработало.

Серый сжал кулаки, и я заметила, как побелели костяшки.

— Когда я пришёл в себя, было утро. Костёр догорел. Палатка стояла, но вещи были разбросаны, будто кто-то в панике искал выход. Отца рядом не было. Я звал его, кричал, пока голос не сел. А потом нашёл его следы. Они... они не были человеческими.

Я тихо втянула воздух, но не стала перебивать.

— Оказалось, что это был не он, — продолжил Серый, голос его стал ровным, будто он повторял выученный урок,

чтобы не чувствовать боль. — Это был я. В том состоянии. Я не помнил ничего. Только обрывки: запах хвои, тяжесть лап, ярость, которая не принадлежала мне, но была моей.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде была просьба: не жалеть, просто услышать.

— Отец не пострадал. Я каким-то чудом не тронул его, хотя следы вели прямо к нему. Он потом сказал, что видел меня... в том виде. И не отвернулся. Просто привёл домой, дал тёплую воду и сказал: «Теперь мы будем учиться держать это».

— Как? — прошептала я.

— По-разному. Сначала — физически. Холодная вода, тяжёлая работа, чтобы тело уставало и не хотело меняться. Потом — слова. Отец заставлял меня повторять фразы, пока я не начинал чувствовать себя человеком. «Я — Сергей Волков. Мне семнадцать. Я дома. Я никого не обижу». И дыхание. Очень медленное, чтобы сбить этот звериный ритм.

— А сейчас?

Он чуть криво усмехнулся.

— Сейчас у меня есть такси. Руль в руках, дорога перед глазами, маршрут, который нужно проехать. Это мой якорь. Пока я держу руль, я — я. И ещё... я стараюсь не оставаться один в лесу. И не злиться до точки, когда мир начинает расплываться.

Я посмотрела на его руки — сильные, с мелкими шрамами, с чуть загрубевшей кожей. Руки водителя, руки челове-

ка, который каждый день держит себя в узде.

— А когда ты был... волком, — осторожно спросила я, — ты помнишь хоть что-то?

— Иногда. Чаше — нет. Но бывают моменты, когда я чувствую, что «плыву». Сердце бьётся быстрее, запахи становятся резче, хочется сорваться с места и бежать, пока не кончится земля. В такие минуты я останавливаюсь. Включаю аварийку. Выхожу из машины, ставлю руки на капот и считаю до ста. Или звоню кому-то. Раньше отцу. Теперь... надеюсь тебе.

Я чуть покраснела, но не отвела взгляда.

— Спасибо, что доверяешь мне это, — сказала я.

— Тебе можно, — просто ответил он. — Ты не смотришь на меня как на монстра. И не смотришь как на героя. Просто как на человека, у которого есть проблема, которую надо решать.

За окном снова пошёл снег, крупные хлопья ложились на асфальт и тут же таяли, не оставляя следа. Как будто город стряхивал с себя лишнее.

— Знаешь, что странно? — вдруг сказал Серый, чуть наклонившись вперёд, будто хотел поделиться секретом. — Когда я в этом состоянии, я чувствую границу. Не вижу, а именно чувствую. Как будто воздух становится плотнее, и там, где он густеет, что-то прячется. Может, поэтому книга и... выбрала меня. Или я ей подхожу.

Я задумалась.

— Получается, твои «переключения» — это не только проклятие. Это ещё и... инструмент. Ты чувствуешь, где реальность начинает трескаться.

Он пожал плечами, но в этом движении было облегчение — будто ему стало легче от того, что кто-то увидел в его беде не только тьму.

— Не знаю, инструмент ли. Но я учусь не бояться этого чувства. Учусь использовать его, чтобы помогать. Как вчера в бутике. Я не превратился. Но я чувствовал, как напряжение в воздухе стало густым, как смола. И знал: надо действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.